

НИКОГДА не думал, что так трудно будет писать об Альберте Вербеце. Давно знаю его как актера и как драматурга, видел поставленные им спектакли...

Помню, как впервые вышел он на сцену театра имени Чкалова. В руках была гармонь, русский чуб спускался на лоб, и было это в шукшинских «Характерах». То был спектакль, запомнившийся многими актерскими удачами, среди которых не затерялась и работа дебютанта.

«Дебютант», — сказал я, но Вербеца можно было назвать так с большой долей условности, ибо за плечами молодого актера были годы работы в театрах Рязани, Мурманска, Вологды. Были и первые драматические опыты (драматическая новелла «Глубина» шла в Мурманском театре). Но об этом потом.

Лучшие его роли, выстраиваясь в единый ряд, позволяли говорить о Вербеце как об актере, трактуемом из спектакля в спектакль тему, которую современный поэт обозначил так: «активная совесть».

Я помню, как играл он Вурма в шиллеровском «Коварстве и любви». Первым исполнителем этой роли в спектакле М. Юфы был такой большой мастер, как Валерий Ивченко. Вербец ни в чем не повторял работу именитого коллеги, и если тот уверенно и ярко играл человека-робота, жесткую машину с пус-

кания — врач Ондра из чапековской «Матери». Лукавый и мудрый дед Степочка в «Печке на колесе». Выброшенный за борт жизни, но не утративший ни благородства, ни чувства собственного достоинства Оливье Лекер в «Погоне»...

Так или иначе, сейчас актерские удачи Вербеца сохраняются, увы, только в нашей памяти. В расцвете творческих сил он оставил сцену.

Актер — одна из самых подчиненных, зависимых профессий. Самораскрытие здесь возможно только опосредованное, при помощи драматурга или режиссера. Вот почему эти смежные области творчества так манят актеров, даже самых популярных. Режиссура — чаще. Отдал ей

Вот какую совсем не простую сказку написал актер А. Вербец.

Одна за другой выходят из-под пера А. Вербеца психологические драмы, посвященные самым жгучим вопросам современности. Написал и усомнился — не слишком ли захватывает звучит: «одна за другой»? Пишет драматург долго и трудно, перерабатывая написанное не раз. «1981—1985» — такова, например, датировка пьесы «Новоселье». И впрямь за ней четыре года кропотливой работы.

Николаевцы помнят спектакль «Восьмое чудо света». Вроде бы локальная семейная история постепенно на наших глазах перерастала в реалистическую притчу о мере ценностей людских, об ответст-

ваясь абсолютно достоверным в деталях, автор поднимается в этой пьесе к подлинно сатирическим, иногда гротесковым обобщениям. Но и здесь он остается верен себе, бережно и с надеждой замечая и сохраняя следы пробуждения совести у Климова и его жены.

А «Новоселье» — рассказ о самом процессе такого пробуждения. Митя (так зовут героя) не совершил никакой подлости (вроде бы) и ему не в чем себя упрекать (кажется). Что же терзает его, что определяет фантасмагорию его полубессонной ночи в холодной квартире? В этой пьесе мастерство Вербеца-сатирика достигло качественно новой грани. Ярко и разнообразно выписаны все эти Федоры Федоровичи, мужичонки, нерадивые. И в центре этой катавасии — Володя, жулик «с идеологией», ренегат из интеллигентов. Сама жизнь заставляет Митю четко определить свою позицию: с кем он — с обещающим массу благ земных Володей или с Иваном Ерофеевым, своего рода нравственным эталоном, но... не сулящим ничего, кроме хлопот... Я коснусь только нескольких сторон этой глубокой и оригинальной пьесы. Надеюсь вернуться к разговору о ней после того, как она обретет сценическое воплощение.*

Приходится привычно сетовать на узость газетных рамок. Из-за этого только вскользь будут упомянуты здесь новые пьесы А. Вербеца: острая политическая трагикомедия «Оливковое масло» и философская новелла «Голгофа». Впрочем я ведь и не пишу итоговую, всеобъемлющую статью. Творчество — живой процесс. Впереди — новые спектакли, первые публикации. В замыслах драматурга — проблемная пьеса о тружениках родного города, остроконечная, почти детективная драма... Все еще впереди.

В. ГРОСМАН.
Фото Б. Рыбакова.

* Недавно в Киеве, на сцене республиканского Дома актера, состоялась премьера спектакля «Новоселье». В спектакле заняты актеры Киевского академического театра имени Н. Франко.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

АКТИВНАЯ СОВЕСТЬ

тыми холодными глазами, — Вурм у Вербеца был человеком, глубоко любящим и страдающим, но с извращенными представлениями о том, что есть собственно любовь. В финале спектакля герой Ивченко изображал страдание, наверняка обдумывая очередное коварство. У Вербеца — он, по сути, у нас на глазах совершал нравственное самоубийство...

Вообще, в творческой биографии актера не так уж много персонажей, обрисованных сугубо черными красками (разве что Людоед из «Кота в сапогах»). Ему интересно играть момент пробуждения в человеке болевой и тревожащей совести. Даже в таком неудачном, на мой взгляд, спектакле, как «Русский вопрос», Вербец с привычной силой сыграл человека, измотанного бесконечными компромиссами и самопродажами, но еще не убитого ими.

А когда выпадает счастье сыграть героя в полном смысле этого слова, Альберт придает ему собственные обаяние и естественность. Воплощение долга и самопожертво-

даний и Вербец. Впрочем, кажется, это было временное увлечение. Последним его режиссерским опытом был спектакль по собственной сказке «Дорога из черного царства» в Киевском академическом театре имени И. Франко.

Первая пьеса увидела свет рампы... Да не в одном театре, а во многих городах страны (и в Киеве, и позже — в Ленинграде). Некоторые скажут — сказка, к ней и требований поменьше... И все в этой сказке обычно — злой Кощей, славные добрые герои — парень с девушкой. И еще один персонаж — Оборотень. Да так он автору важен, что и вся пьеса поначалу должна была называться его именем. Ведь самое главное именно с ним связано, и главное это — пробуждение совести, возвращение к человеческой сущности. В темном Кощеевом царстве помнит Оборотень родную землю, хочет вспомнить имя свое прежнее, каким мать его звала. Эта память не оставляет, тревожит его, заставляет помогать героям, не боясь расстаться с жизнью, ибо зачем такая жизнь — нечеловеческая?

венности человека за детей своих.

Все в его пьесах начинается обыденно: девушка приводит к себе в гости знакомого парня («Восьмое чудо света»), старые друзья собираются отметить семейный праздник («Экипаж» Летучего голландца), семья молодого рабочего получает новую квартиру («Новоселье»). Но внешнюю фабулу неминуемо сопровождает напряженный внутренний конфликт, разрешающийся по всем канонам драматургии неожиданным взрывным поворотом.

Пьеса об экипаже «Летучего голландца» звучит в одноименной пьесе дважды. И если вначале мы воспринимаем ее как своего рода романтический гимн в память о студенческом братстве, то к финалу поневоле вспоминаем, что легендарный парусник был населен... мертвыми. Поначалу такие симпатичные нам Климов, Козловский, Войтюк, другие персонажи этой гневной и яркой драмы, — утратили важнейшие человеческие качества, дающие им право называться живыми людьми. Некоторые — необратимо. Оста-